
Статья поступила
в редакцию
в апреле 2009 г.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ С ИНОСТРАННЫМИ ГОСУДАРСТВАМИ В ОБЛАСТИ ОБРАЗОВАНИЯ В XVI–XVII вв.¹

Аннотация

Представлена подборка документов, раскрывающих направления и характер взаимоотношений России с иностранными государствами в области образования в XVI–XVII вв. Длительное время в историко-педагогической литературе возникновение идеи обучения российских юношей за границей датировалось первой четвертью XVIII в. — периодом реформ Петра I. Между тем, как показывают документы, уже в XVI в. молодых людей направляли за границу с целью подготовки переводчиков для целого ряда приказов Российского государства. Другой важный аспект взаимоотношений с государствами Европы, отраженный в документах, — практика обучения подданных этих стран в России.

Ключевые слова: история образования; обучение за границей; международное сотрудничество; иностранные языки.

Одним из основных источников сведений по истории образования российских подданных за границей, а также иностранцев в России в XVI–XVII вв. традиционно являлись сочинения иностранцев или бывших российских подданных, бежавших за границу. В связи с отсутствием критического анализа подобного рода сочинений на их основе возник целый комплекс различного рода мифов и легенд, в которых господствует представление о поголовной необразованности и невежественности населения России в рассматриваемый период. В этих сочинениях нередко правдивая информация сопровождалась личными комментариями авторов, не понимающих увиденного. Кроме того, существовали и определенная коммерческая потребность, и определенный социальный заказ на создание подобного рода фальсификаций. Коммерческим предприятием такого рода легенды становились в XVI–XVIII вв. для дворян и бояр, бежавших за границу в годы войны с государственной и военной службы. Перебежчики достаточно часто вынуждены были зараба-

¹ Составитель — А.Н. Рыжов.

тывать деньги сочинением сказок о собственной стране. Социальный заказ создала длительная серия войн середины XVI — конца XVII в., обременительных для всех их участников: общество готово было платить за яркие, образные, интригующие сочинения о неизвестной далекой стране, с которой их государство ведет изнурительную войну. К подобным сочинениям во второй половине XVI в. можно отнести произведения политических авантюристов И. Таубе, Э. Крузе, Г.В. Штадена, А. Шлихтинга, П. Одеборна, а в середине XVII в. — Ю. Крижанича, Я. Рейтенфельса и др. Судьбы этих людей во многом схожи. Так, например, после неудачной осады Ревеля (1577 г.) дворяне И. Таубе и Э. Крузе изменили Ивану IV, которому присягали, и бежали к королю Сигизмунду. Весьма показательны в этом отношении план военной оккупации России рядом европейских государств, составленный Г.В. Штаденем, или проекты католизации России Ю. Крижанича и Я. Рейтенфельса. Такие сочинения, естественно, осложняли отношения между странами Европы и Россией.

В этих ярких, но далеко не всегда достоверных описаниях российской жизни нелегко отыскать свидетельства сотрудничества России с европейскими государствами в области образования. Между тем подобная практика, как показывают документы, была довольно широко распространена на протяжении XVI–XVII вв.: российских юношей отправляли за границу для обучения и принимали на учебу иностранных подданных.

По традиции, берущей свое начало еще в Московской Руси, в центр обучения российских юношей за границей ставилось изучение иностранных языков и широкое грамматическое образование. В XVI–XVII вв. существовала потребность в изучении греческого, немецкого, латинского, французского, английского, шведского, датского и ряда других языков. Об этом свидетельствуют царские грамоты и указы, посольские наказы, донесения иностранных послов, дипломатическая переписка, частные письма и др. Ниже приведена подборка документов по трем разделам: обучение российских юношей за границей, обучение иностранных подданных в России и вопросы образования в Русском государстве по донесениям иностранных подданных.

Обучение российских юношей за границей

Документы об отправке царем Иоанном IV в Грецию (Афон) юношей для обучения греческому языку и о возвращении их в Россию (1551–1557 гг.)

Сотрудничество Русского государства с другими православными странами (Грецией, Сербией, Болгарией и др.) в области обра-

зования — давняя традиция. Например, на Афон в целях изучения греческого языка наши юноши отправлялись весьма регулярно. Основными задачами подобной отправки было не только изучение греческого языка и получение грамматического образования, но и покупка рукописей для обучения молодежи в самой России, а также укрепление молодых людей в вопросах веры.

В 1551 г. по указу царя Иоанна IV был отправлен в Грецию для обучения греческому языку паробок, т.е. молодой человек, Ф.М. Обрюта (Греков). После возвращения в Москву в 1558 г. он служил переводчиком в Посольском приказе. Сохранились сведения об обучении в первой половине 1580-х годов греческому языку в Царьграде двух человек — Г. Ушакова и Ф. Внукова, которые возвратились в Россию около 1586 г. В это же время молодые люди направлялись для обучения иностранным языкам и в другие страны. Так, например, известно, что в 1570-е годы по указанию Иоанна IV в Швеции несколько российских юношей обучались шведскому языку.

При царе Федоре Иоанновиче традиция отправки молодых людей за границу сохранилась. Например, в 1594 г. в Грецию для обучения был отправлен Т. Елизарьев. Известны случаи и самостоятельных поездок молодых людей за рубеж для изучения иностранных языков. Так, в 1592 г. «московский человек» П. Лукьянов отправился в Данию для изучения датского и немецкого языков. Сохранилось и много других свидетельств обучения российских юношей за границей в XVI в. В следующем столетии рассматриваемая традиция продолжалась, хотя и с некоторыми изменениями.

Грамота царя Иоанна IV Константинопольскому патриарху Дионисию II о посылке паробка Обрюты Михайлова сына Грекова для обучения греческому языку (1551 г.)

«А се грамота к Патриарху Дионисью с Ондреяном.

Бог наш Троица, иже прежде век сыи, и ныне есть, Отец, и Сын, и Святый Дух. Аминь. Великий государь Иван, Божию милостью царь всеа Русии, и великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Смоленский, Тферьский, Югорский, Пермьский, Вятцкий, Болгарский, и иных, государь и великий князь Новагорода, Низовские земли, Черниговский, Ярославский, Белозерский, Удорский, Обдорский, Кондинский, и иных.

Дионисью, архиепископу Константинограда, Новаго Рима, и вселенскому патриарху, пастырю и учителю христианского закона [...]

Да послали есмя к тебе своего паробка Обрюту Михайлова сына Грекова, и ты б его велел у себя учити грамоте греческой и языку, и держал бы еси его у себя доколе научится, и науча, прислал его к нам. А что тебе учинится в его корму протору, и мы тебе велим заплатити. А будет тебе у себя научити невместно, и ты б отослал его в Святую Гору Афоню, в наш монастырь, святого Пантелеимона, и там велел его учити пристаино, и науча, прислал его

к нам. А мы с ним в Пантелеиманов монастырь игумену и старцом грамоту послали ж.

Писана в государства нашего дворе града Москвы, лета 7059-го, генваря».

Запись об отпуске к Константинопольскому патриарху Дионисию II паробка Обрюты Михайлова сына Грекова для обучения греческому языку (1551 г.)

«Да с Ондреяном же царь и великий князь отпустил к цареградскому патриарху к Дионисию учить греческому языку и грамоте Обрютку Михайлова сына Грекова».

Грамота царя Ивана IV в Пантелеймонов монастырь об отправке к ним паробка Обрюты Михайлова сына Грекова для обучения греческому языку (1551 г.)

«Асе грамота с Обрюткою в Святую Гору в Пантелеиманов монастырь.

Божию милостью, от великого государя Ивана, царя всеа Руси, и великого князя (далее титул. — *А.Р.*). В Святую Гору Афоню, во обитель святого великого мученика Пантелеимона, богомолцу нашему, игумену Павлу з братьею. Послал есми к вам паробка своего Обрюту Михайлова сына Грекова. И как приидет к вам Обрюта с сею нашею грамотою, и вы б его велели у себя в монастыре учить греческому языку и грамоте. И как научится, и вы б его к нам отпустили. А что вам учинится протору в его учебе и в корму, и мы вам то велим заплатити из своей казны.

Писана в государства нашего дворе града Москвы, лета 7059-го, генваря».

Грамота Царя Иоанна IV Константинопольскому патриарху Иоасафу II с просьбой о присылке обратно паробка Обрюты, обучавшегося в Константинополе греческому языку (1557 г.)

«А се грамота такова послана ко Иасафу, патриарху Констянтинопольскому, с архимаритом с Феодоритом, са Исафом, митрополитом Кизицким, вместе. [...]

Да послал есми к преже бывшему патриарху Дионисию учить грамоте греческой и языку паробка своего Обрюту, и ты б его прислал к нам с Феодоритом (игумен Суздальского Евфимиева монастыря. — *А.Р.*) же вместе.

Писана в государства нашего дворе града Москвы, лета 7065-го, месяца генваря».

Грамота Константинопольского патриарха Иоасафа II царю Иоанну IV с обещанием прислать обратно к царю Ф.М. Грекова (Мамалаха), научившегося «отчасти еллинской грамоте» (1557 г.)

«А се другая грамота ко государю от патриарха Иасафа с Феодоритом же архимаритом.

Иоасаф, Божию милостию архиепископ Константинограда, Новаго Рима, и вселенский патриарх.

Благоверному и пресветлейшему самодржцу, царю всея Великие Росии (далее титул. — *А.Р.*), и всея Сибирские земли, и Северные страны, кои суть поручены тебе, господину Ивану, великому князю, о Святем Дусе возлюбленному и желейшему¹ сыну нашего смирения [...].

А иже верного твоего раба хотим послати к тебе, Феодора Михайлова Мамалаха. Держали есмя его поучитися ему и наказатися ему; и подщався, научился отчасти еллинской грамоте, во еже перевести ему грамоты. И как мы людей своих пришем, и мы и его пришем.

А иже царь царствующий безначальный и безконечный, молимся о еже во всем исправлении и наставлении в долготу жизни царствию твоему, да сохранит цело, здраво и без мятежа в веки долгие, и да сподобишися царствию его. Аминь.

Иоасаф, Божию милостию архиепископ Константинограда, Новаго Рима, и вселенский патриарх» [11. С. 191–193, 211–214, 231–233].

Грамота Константинопольского патриарха Иеремии царю Иоанну IV об обучении двух московских юношей (1583 г.)

«...Писал еси к нам, что прислали есмя к тебе двоих робят Грязнушку Ушакова и Федку Внукова для научения греческого языка и грамоте, и ты ся за то имаешь, что их тому промыслу учити с великим трудом, что они возростом велики, а толко бы менши тех лет были, лет в 10 или 12, и тех бы скорее в наученье грамоты были, а тех ныне в трудности великой учити и нужно есть страсть на них положить...»

Грамота царя Иоанна IV Константинопольскому патриарху Иеремии (1583 г.)

«...Ты б, святейший патриарх, велел их (Ушакова и Внукова. — *А.Р.*) грамоте и языку учити и того над ними велел беречи, чтобы они учились пристанно, а что будет их нужда, и ты б их велел покоити для нас...»

Наказная память послу Марку Сампсонову от царя Иоанна Васильевича (1583 г.)

«...Послано с ним 30 руб. денег, и Марку те денги отдати в Царьграде учеником, которые посланы к патриарху для ученья греческие грамоты: Грязнушке Ушакову 17 руб., а Фетке Внукову 13 руб., а дать им перед патриархом, а патриарху говорить, чтоб пожаловал их патриарх и оберег и учити их велел, а воли не давал...»

¹ Желейший (старослав.) — плачущий, скорбящий, иногда употреблялся в значении «смиренный».



Наказная память послу Борису Благово от царя Федора Иоанновича (1584 г.)

«Да с Борисом же послано от государя к Грязнуше Ушакову да к Фетке Внукову, которые учатца у Патриярха греческой грамоте, по шубе бельей по хрептовой да по шубе по черевей человеку да по 10 руб. денег [...] Чтob они училися греческому языку и грамоте с радением, пристойно, а не гуляли, и патриярха б во всем слушали, чтob грамоте изучитись вскоре. [...] Патриярху Еремию говорити от государя, чтob патриярх тех робят Грязнушу Ушакова и Фетку Внукова велел у себя учити греческой грамоте и языку с радением, и держать их у себя в наказанье, доколе научатца, и воли им не давал, а уча их, прислал бы к государю; а что ему в их ученье учинитца протору, и то велит государь ему заплатить» [5. С. 4–5].

Грамота к датскому королю Христиану IV (1577–1648) о возможности изучения русскими датского языка (13 августа 1592 г.)

«Бога в Троице славимаго милостию, скипетродержателя Росийскаго царствия, великого государя царя и великого князя Феодора Ивановича, всеа Руси самодержца (далее титул — *А.Р.*), его царского величества и напресветлейшества, приятелю и соседу любезнейшему, Христианусу Четвертому, Божию милостию, обраному королю дацкому (далее титул — *А.Р.*), вышеименованного напресветлейшаго царского величества высочайшаго престола степени послы: воевода и наместник брянской князь Семен Григорьевич Звенигородской, дворянин и наместник болховской Григорей Борисович Василчиков, дяк Иван Максимов челом бьют. [...]

Вашему королевскому величеству извещаем о некоем подданном пашенном человеке государя нашего, царьского величества, именем о Петрушке Лукьянове сыне, которой от сево времени лет за девять, во днех отца вашего королевского величества, славные памяти Фредерика короля, из государя нашего, царского величества, отчины ис Колы своею волею, для взятку даного долгу своего и для науки неметцкого языка, на карабле з барабанцы с торговыми людьми, а имянно з Гансом Наблетом города Антрфа, там заехал, а потом был у отца вашего королевского величества, славные памяти Фредерика короля. И отец ваш, королевское величество, того Петрушку пожаловал, велел отпустить в государя нашего отчину поволно, и грамота ему отпускная за королевскою печатью была дана. И как он с тою королевскою отпускною грамотою приехал в Варгав, и в Варгаве ваш приказной человек Юрьи Кош велел его изымати, и тое королевскую отпускную грамоту у него силно отнял, и послал был его с приставом опять назад в Датцкую землю. [...] А в те поры во государя нашего, царского величества, отчине в Коле был государя нашего приказной человек Стефан Благово, и того Петрушку, для того что он государя нашего, царьского вели-

чества, прироженной подданой и из Колы для взятку долгу своего и науки неметцкого языка съехал поволно, а не полоном, ни иною какою нужею в чюжую землю заведен, хотел оставити во государя нашего, царского величества, отчине в Коле. [...] И ныне тот Петрушка, приехав во государя нашего отчину в Колу с вашего величества капитаном Томасом Норманом на карабле, остался во государя нашего отчине у матери своей и у братьи. И мы о том вашему королевскому величеству извещам, и в том ся покладаем на вашего королевского величества милостивной розсуд, и начаемся, что ваше величество на нас гневу и досады держати не учнешь, потому что и вашего государьства многие люди в великого государя нашего, царьского величества, отчине для торговли и науки русково языка и грамоты и всяких дел живут по всем местом в поволности и во чти и в береженье лет по пяти и по шти и болши, и назад к себе ездят без всякие зацепки, а неволи им никакие нет. И ваше б королевское величество по тому же великого государя нашего людей, которые в вашем государьстве для торговли или науки неметцкого языка замешкают, неволити ничем не велел, а велел их своим приказным людям во государя нашего, царьского величества, отчину отпущати без всякие зацепки. Писана во государя нашего, царьского величества, отчине в Коле, лета 7100-го, августа в 13 день» [12. С. 257–278].

Документы об отправке молодых людей для обучения в Англию и их возвращении в Россию (1602 г., 1613 г.)

В конце XVI в., после смерти Иоанна IV, на российскую службу стали чаще приглашать иностранных специалистов, в первую очередь медиков, зодчих, торговцев. Наиболее активными при Федоре Иоанновиче (1584–1598) и Борисе Годунове (1598–1605) были внешнеторговые связи с Англией, которой в 1587 г. было дано право беспошлинной торговли с Россией. Именно Англия стала в XVII в. первой страной, в которую по указу царя Бориса Годунова были отправлены четверо юношей для получения образования. В 1603 г. молодых людей отправили также учиться в Германию и Францию — всего 15 человек. Однако отсутствие должного внимания к ученикам со стороны российского правительства в период Смутного времени (1605–1613), а также недружественная политика протестантской церкви и правительств указанных стран в отношении России привели к провалу этого начинания.

О молодых людях, отправленных во Францию, сведений не сохранилось. Об обучении юношей в Германии до нас дошли некоторые свидетельства. Так, в Любек в июле 1603 г. возвращалось из Москвы посольство от ганзейских городов, которому уже у самой границы по просьбе царя поручили сопроводить пять российских юношей для обучения в школе г. Любека немецкому и латинскому языкам и другим наукам. 30 октября 1603 г. городской магистрат извещал Бориса Годунова о распределении российских юношей

к учителям. Три года спустя магистрат сообщал, что двое учеников сбежали, а трое продолжали учиться. О дальнейшей судьбе их ничего не известно. Лишь в «Хронике» Конрада Буссова (Bussow, 1552–1617) сохранилось известие о возвращении в Россию из числа отправленных Борисом Годуновым молодых людей некоего Димитрия, служившего ранее у шведского полководца Якоба де ла Гарди (De la Gardie, 1583–1652).

О молодых людях, отправленных для учения в Англию, сохранилось больше информации. Осуществление этого начинания было поручено главному торговому агенту Англии в России сэру Джону Меррику (G. Merrick, 1559–1639), в сопровождении которого в июле 1602 г. в Англию прибыли четверо юношей. Имеются сведения о намерении английского правительства поместить российских юношей по одному в Винчестер, Итон, Кембридж и Оксфорд. В период Смутного времени правительству было не до английских студентов. К этому вопросу вернулся в 1613 г. царь Михаил Федорович (1613–1645). Переговоры с английским правительством, в том числе на территории Англии, продолжавшиеся до 1622 г., постоянно затягивались английской стороной. Лишь после официального объявления, что двое российских учеников убиты в Ост-Индии, третий пропал без вести, а четвертый, Федор Костомаров, якобы добровольно перешел в англиканство и отказался от возвращения в Россию, переговоры завершились.

«Грамота от царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси на Вологду Захарью Ивановичю Безобразову да дьяку нашему Якову Демидову.

По нашему указу посланы в Англинскую землю для науки разных языков и грамотам Микифорко Григорьев, Софонка Кожухов, Казаринко Давыдов, Федка Костомаров, а проводить их послан до Вологды и до Архангилского города Парфен Кашинцев. [...] Писана на Москве, лета 7110 (1602), июня в 22 день.

Лета 7110 (1602), июня в 23 день. По государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси указу: память Парфенью Кашинцеву. [...]

Отпущены с Москвы в Архангилской город дети боярские молодые: Микифорко Алферьев, сын Григорьев, да Софонко Михайлов, сын Кожухов, Казаринко Петров, сын Давыдов, Федка Костомаров на подводах. А на корм им денги даны на Москве, а в Архангилском городе, по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Руси указу, велено их отдать Англинскому гостю Ивану Ульянову¹, а ему их вести за море в Англинскую же землю для ученья разных языков и грамотам» [8. С. 424–428].

¹ Иваном Ульяновым в документах того времени называли Джона Меррика, главного торгового агента Англии в России.

Посольский наказ наместнику шацкому А.И. Зюзину и дьяку А. Витовтову, направляемым в Англию (июнь 1613 г.)

«Да память Алексею Ивановичу и дьяку Алексею: в прошлом 111-м году, при царе и великом князе Борисе Федоровиче всеа Руси посланы из московского государства в аглинскую землю для науки латынскому и аглинскому и иных розных немецких государств языков и грамоте — Гриша (так в тексте. — А.Р.) Олферьев сын Григорьев с товарищи пять человек.

И Алексею Ивановичу и дьяку Алексею говорити королевским ближним людем: в прошлом во 111-м году, блаженные памяти при царе и великом князе Борисе Федоровиче всеа Руси самодержце, при великой государыне вашей славныя памяти при Елисавете королевне, посланы в аглинское государство великаго государя нашего подданные на время для науки латынскому и аглинскому и немецким языком и грамоте учитца Гришка Олферьев сын Григорьев да Фетька Семенов с товарищи пять человек. И те царского величества подданные, будучи в науке, тому всему, для чего посланы, и изучены. И ныне они царского величества к посольскому делу надобны. А позадавнели они в аглинском государстве по тому, что в московском государстве по грехом от злых людей была смута и нестроенье; а ныне, по милости Божией, и великаго государя нашего царского величества доброопасным, премудрым разумом и счастьем и милостивым призреньем ко всем его царского величества подданным, московское государство строитца и вся добрая деетца. И они королевского величества думные люди тех царского величества подданных, которые в аглинском государстве жили для науки, отдалиб всех ему, царского величества послу Алексею Ивановичу да дьяку Алексею Витовтову, а они их возмут с собою и поставят пред царским величеством. Да как королевские думные люди Гришу Олферьева с товарищи им дадут, и Алексею Ивановичу и дьяку Алексею взяти их к себе и велети им у себя быти и взяти их с собою к государю к Москве.

А будет королевские думные люди тех государевых людей Гриши Олферьева с товарищи отдати не похотят и скажут про котораго, что умер или сам своею охотою поехал куды для науки з гостями в которыя дальныя государства, и того им неведомо, если он жив или нет, а хотя и жив и его ждати долго.

И Алексею Ивановичу и дьяку Алексею говорити: чтоб они дали им тех, которые ныне здесь в аглинской земле. А будет которово судом Божиим не стало — и в том воля Божья; а которые в отъезде в дальнем государстве, и им для царскаго величества промышляти о том: в то государство, где которой послан, отписати, чтоб его оттоле вскоре взяти, и всех их, сыскав которые живы, им отдати. А царскому величеству тех подданных отцы и матери без престани с великою доукою об них бьют челом, чтоб царское величество их пожаловал велел их из аглинския земли взяти к Москве, чтоб они, будучи долгое время в чужих государствах веры крестьянския гре-



ческого закона не отбыли и с ними ся не разлучили. И царского величества им об нихъ приказъ имянной, что велено им взяти и привести к Москве. И мы вам о тех царского величества подданных говорим по приказу государя своего, и вам бы, их однолично сыскав, всех нам отдати.

И будет королевские думные люди учнут говорити, что они тех царского величества подданных без королевского ведома отдати не смеют, потому что они здесь задавнели, и они и сами отсюды ни которой не хочет в московское государство, потому что извыкли всяким обычаем здешним; а иной из них служить при королевском дворе или у котораго великого человека. И коли они сами не хотят, и их как неволить и в неволю отдавати? А хотя их ныне в неволю отдати, а вперед их не удержати. И Алексею Ивановичу и дьяку Алексею говорити думным людям: те царского величества подданные природные московскаго государства, а не иноземцы и веры крестьянския греческаго закону; и отцы, и матери и братья у всех живы; а при царе Борисе посланы они для науки, а даны были все на руки государя нашего аглинскому имянитому гостю Ивану Ульянову. А как и почела быти прежним великим государем нашим славная памяти з государынею с Елисавет королевною и с нынешним государем вашим братственная любовь и крепкая дружба и соединенье, и с тех мест и по ся мест с аглинскими гостями малые робята для науки русскому языку и грамоте бывали и задержанья им и причины об них никакая не было: живут в науке лет по шти и по десяти и приезжают и отъезжают по воле. А королевское величество государя нашего подданных держати непохочет, чаю у королевско величества и природных его подданных, которые русской грамоте и языку многие умеют. А что они говорят, будто те робята в московское государство от них из аглинския земли не хотят, и тому нечему верить, да и не статочное то дело, как им православная крестьянския веры греческаго закона отбыти и природново государства и государя своего и отцов своих и матерей, и роду своего и племени забыти – о том им, разумным людем и честным, говорити не пригоже. И говорити Алексею Ивановичу и дьяку Алексею о тех государевых людех всякими мерами накрепко, чтоб их всех которые малыми... притча... не была... или в отъезде. Да дьяку Алексею про них, толмачей, и... от тово кому что и да... ведать таки...¹. которой умер и сколь давно и о кою пору и где положили. Или которой в отъезде, в которое государство, и с кем, и сколь давно и для чего поехах, и есть ли про него слух, что он жив, и как чаяти будет и на время ль туды поехал или на житье? И нет-ли из них кого при королевском дворе или у кого у великаго человека. А проведав про то подлинно, по тому об них з думными людьми и говорити... Государевых и учнут манить... съехались из аглин.. подданным госу-

¹ Пропуски в рукописи.

дарствам... а они про них не веда... в аглинской земле...¹. И Алексею Ивановичу и дьяку Алексею о тех государевых... королю самому как велит быти посольству... однолично им о тех государевых людех королю и его ближним людем говорити. А и Ивану Ульянову говорити, чтоб он тем промышлял для себя, потому что даны были для науки ему на руки, чтоб однолично тех, которые живы здесь, тех бы им отдали, а которые в отъезде, то тех бы послали или отписали, чтоб ехали в Лондун» [4].

Документы об обучении иностранных подданных в России

Грамоты великого князя Московского Василия III великого магистру Тевтонского ордена (1519 г.)

В первой половине XVI в. Москва поддерживала активные дипломатические отношения с Тевтонским орденом. В 1517 г. между великим князем Московским Василием III (1505–1533) и великим магистром Ордена Альбрехтом Бранденбургским (Albrecht von Brandenburg-Preussen, 1490–1568) был заключен союз. Заручившись поддержкой Русского государства, Орден начал войну с Польшей.

Стороны, в частности, сотрудничали в области подготовки переводчиков, знающих достаточно хорошо три языка: немецкий, латинский и русский. С этой целью в земли Ордена для дипломатических поручений и изучения языков великим князем Василием III был отправлен Константин Замыцкий, а в Новгороде к тому времени уже обучался русскому языку подданный Ордена Вольфганг Пог. Ниже приведены фрагменты двух грамот, раскрывающие обстоятельства этого обмена.

«Лета 7027 (1519), марта в 21 день. [...] Да Шимборко же говорил, чтобы великий государь послал ко французскому королю о маистре свою грамоту, а велел бы ее написать латинским письмом. [...] Память советником государя царя всеа Руси. Первое, чтобы его величество, по прошению маистрову и бискупа² колыванского, того бы бискупа имел себе поручена; а он себя его величеству служебне поручает. Второе, чтобы его величество изволил ослободити на год или на два в Новгороде, или во Пскове, побыти Вулкану (Вольфгангу. — *А.Р.*) Погу, слuze моего государя, у презвитера учитись языку и грамоте; а как похочет назад ехати, ино бы ему волно. [...] И князь великий приговорил, что ему пригож послати к маистру Костянтина Тимофеева сына Замытцкого, да с ним толмача немецкого Истоуму Малого».

¹ Пропуски в рукописи.

² Католический епископ.

«Лета 7027 (1519), марта в 24 день. [...] Великий государь Василий, Божьею милостию царь и государь всеа Руси и великий князь велел тебе говорити: да бил еси нам челом от маистра, чтоб нам ослободити в своей отчине во Пскове или в Новгороде побыти его человеку Вулкану, поучиться языку русскому; и маистр бы своего человека послал в нашу отчину, где он похочет, в Нов ли город или во Псков, а мы прикажем, а велим его человека тут устроити и языку поучити» [7. С. 95–100].

Документы об обучении шведских подданных в России и использовании их в качестве учителей (1573–1574 гг.)

«И лета 7082-го, сентября в 6 день, такова грамота от государя к Свейскому Ягану королю послана с Володимером с Пивовым.

Милосердия ради милости Бога нашего, в них же посети нас восток свыше, воеже направить ноги наша на путь мирен великого государя, Божию милостию царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси (далее титул. — *А.Р.*), Ягану, королю Свейскому и Готцкому и Вендийскому. Прислал еси к нам грамоту свою на рубеж на Ореховской, и та грамота до нас дошла, а в грамоте своей к вам писал еси: Дошла наша грамота до тебя с нашим сыном боярским с Васильем с Чихачевым, чтоб к нам тебе послати своих послов по нашей опасной грамоте, и нам бы своих послов вскоре послати на рубеж к реке к Сестре с полным и свершенным приказом. [...] А при нас всякое дело в договоре постановити мочно. А что еси писал к нам в своей грамоте, что нашего гонца Василья Чихачева держати велел еси в Финской земли, до коих мест мы отпустим твоих людей русских толмачей Обрама Микулаева да Власка Пантелеева и пленных всех слободити и меняти велим, и мы послали гонца своего Василья Чихачева о добром деле с своею грамотою, и нашего было гонца своего Василья Чихачева держати тебе нечего для, то к тому делу не схоже, а тех мы толмачей Обрама и Власка пооставили в своем государстве поучити учеников, и одного толмача Власка Пантелеева не стало, а Обрам Миколаев учит у нас дву учеников свейскому языку, а живет безо всякие нужи, а ваши толмачи преж сего у нас в нашем государстве нашей русской грамоте учивались же, а часа того Обрам толмач отделаецца, и мы его тогда к тебе отпустим; а пленных твоих людей велели есмя сыскивати, а ты б потомуж наших пленных сыскати велел;

а как твои послы будут у нас и договор учинять о мирном постановеньи, и мы тогда велим пленными розмениться — твоих отпустить велим, а ты наших пленных потомуж отпустить велишь, а без слов и без договору такие дела не делаютца. [...]

Писана во государства нашего в нашей отчине в Великом Новгороде, лета от создания миру 7082 го, сентября в 7 день, индикта 2-го, государства нашего 39-го, а царств наших Российскаго 27-го, Казанского — 21-го, Астороханского 18-го».

«Мы, Иван третий, Божию милостию Свейский, Годцкий и Вендийский король и государь в земле в Вифлянкой и иных, к Ивану Васильевичю, царю и великому князю на Руси» (далее титул. — А.Р.). Добыли есмь твою грамоту писано в Новгороде 5 день месяца сентября, иже ты с твоим человеком с Володимером Пивовым к нам прислал, и твою грамоту выслушали и мысль твою гораздо разумели, что ты просишь ныне, как же и многожды прежд того, чтоб нам послати своих великих послов к тебе. [...] Еще писал еси к нам о службников наших русских толмачей о Обrame Николаеве и о Власке Пантелееве, что еси отнял от послов наших для того, чтоб им учти твоих русских робят свейскому языку того ради, что наши люди учивались в твоей земле русскому языку, ино тебе ведомо будет, что мы послали их с вашими послы наших дел исправити по нашему наказу в повелению, потому что они наши слуги, а не твоих подовласных детей учти [...]. Но аще хочеши некоторых твоих подовласных детей дати обучитися свийскому языку, и ты того дела, как мир будет, вели о том деле договор учинити с нашими намесники Выборскими [...].

Писана во очинной нашей земле в Шанской на нашем королевском граде в Стокхолме месяца декабря в 4 день, лета от воплощения Христова тысяча пятьсот семдесят третьяго, во время королевского владения нашего на 6-м году».

«А се грамота послана от государя царя и великого князя к Свейскому королю с Аврамом с Николаевым.

Милосердия ради милости Бога нашего, в нихже посети нас восток свыше, воеже направити ноги наша на путь мирен, великого государя Божию милостию царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Руси (далее титул. — А.Р.). Ягану, королю Свейскому и Готцкому и Вендийскому. Прислал еси к нам грамоту свою, а в грамоте своей к нам писал еси, что мы к тебе прислали грамоту з гонцом своим с Володимером с Пивовым, а писали есмь к тебе, чтоб тебе послати к нам своих великих послов, а мы хотим дати опасную грамоту по твоему хотенью, да иныя слова к тебе писали, и ты на то нам ответ даешь, также ты о прежних наших грамотах подлинно уразумел, что ты не хочешь некоторых своих великих послов к нам послати по нашей опасной грамоте. [...] Да что мы службников твоих толмачей русских Обрамка Николаева да Вла-



ска Пантелеева отняли от послов твоих для того, чтоб им учить наших русских ребят свейскому языку того для, что твои люди учились в нашей земле русскому языку, ино то нам ведомо, что ты послал их с своими послами своих дел править по твоему ведению, что они твои слуги, а не наши подовласные, а нашему сыну боярскому Василью Чихачеву в твоей земле добро и безо всякие нужи, а задержан до тех мест, как тех твоих служебников к тебе пришлем да и иных подовласных твоих людей [...] А что еси писал к нам о толмачах о русских о Авраме Николаеве да о Власке Пантелееве, чтоб нам их отпустить, а ты наших гонцов Василья Чихачева до тех мест отпустить не хочешь, и твой толмач русской Обрам Миколаев, будучи в нашем жалованье безо всякие нужи, ребят наших дву учил, а сам Обрамко учивался русской грамоте в нашей же отчине в Великом Новгороде, а посланники и гонцы от нас от государей и к нам ко государем приезжают и отъезжают добровольно безо всякого задержания, и мы твоего толмача Аврама Николаева отпустили к тебе, а другого твоего толмача русского Власка Пантелеева в нашем государстве не стало безхитростно — сам толмача своего Аврама розспросив уедаешь — и в прежней своей грамоте об нем писали есмя к тебе, и ты б наших послов Василья Чихачева и Вододимера Пивова к нам отпустил наскоро не задержав и с ними к нам отписал по сей нашей грамоте, на которой срок послов своих отпустишь и до которого срока война унять на обе стороны меж нашия вотчины Великого Новгорода и Финские земли, и мы о всем по твоей грамоте и о послех вскоре к тебе отпишем. [...] А толмача твоего Аврама Николаева отпустили были есмя в тебе с сею своею грамотою преж сего вскоре в марте месяце, и грамота наша к тебе не дошла, и Аврама толмача задержали есмя по тому: как приехал Аврам с нашею грамотою в Орешек, которую грамоту послали есмя к тебе, и у Аврама твоего толмача выняли книги о наших о великих делех и многие наши родословцы и иные наши многие дела повыимали у него, а Аврам, живучи в нашем государстве, те наши великие дела крал лазучством, и потому твой толмач Аврам дошел был смертные казни; и мы, как есть государи крестьянские, толмача твоего Аврама смертью казнить не велели есмя, то есмя учинили тебя для, Аврама толмача к тебе отпустили есмя и грамоту свою с ним к тебе послали есмя, и ты б наших гонцов Володимера Пивова да Василья Чихачева в нам отпустил безо всякого мешканья, чтоб и вперед меж нами гонцом на обе стороны ходити было поволно безо всякие зацепки и без задержанья.

Писана нашия отчины в великом княжстве Тверском, лита от создания миру 7082-го, августа месяца в 9 день, индикта 2-го, государствия нашего 40-го, а царствий наших 87, Российскаго 28-го, Казанского 21-го, Астороханского 19-го.

А отпущен свейской толмач Аврам Николаев из Старицы з Дмитрием Болотниковым августа в 11 день» [9. С. 251–264].

Указ царя Бориса Федоровича Годунова в Архангельск (1600 г.)

«От ц[аря] и в[еликого] князя Бориса Федоровича всеа Руси.

На Двину, в новой Архангилской город, Осипу Савельевичу Супоневу да подъячому Рахманину Макарьеву.

Отпущены с Москвы с Аглинским гостем, с Иваном с Ульяновым, за море Францовской немчин Жан Паркент, лет в 18, да Агличанин Ульянко Ульянов, лет в 15, робята молоди, а на Москве они учились Русскому языку. И как Аглинской гость Иван Ульянов к корабленной пристани приедет, и поедет будет за море, и вы б тех немец-робята: Францовского немчина Жана да Агличанина Ульянка отпустили с Иваном за море. А будет Иван сам за море не поедет, а поедут товарыщи его, и вы бы тех Немец и отпустили за море с товарыщи с-Ивановыми; а опричь бы есте тех немец и опричь тех, которые написаны у Ивана в проезжей грамоте, иных немец и Руских людей за море не пропускали никакова человека. Писан...» (пропуск) [13. С. 420].

Письмо — ответ царю Борису Федоровичу Годунову о приглашении иностранных ученых и художников в Россию (1601 г.)

«Всепресветлейший, всемогущественнейший и единодержавный царь и властитель всероссийский, князь и всемилостивейший владетель Татарии, Казани, Астрахани и Сибири.

Всепопданнейше и всепокорнейше выражаю я готовность всегда, по мере моих сил, быть к услугам вашего величества, согласно с милостивейшим желанием и соизволением вашим.

Отсылая в. в-ву это письмо, всепопданнейше прошу в.в., зная достохвальное в. в-ва благосоизволение, обратить на него свое всемилостивейшее внимание.

Когда прошедшей осенью я ездил по некоторым делам отсюда, из Гамбурга, к е. и. и кор. в-ву всемилостивейшему государю и господину в Прагу, к королевскому двору, и после того как я некоторое время прожил там в тишине, пришел ко мне некто Ганс Крамер, почтенный и знатный человек, ища и добиваясь моего знакомства, на что я с охотой согласился.

Между прочим он мне сообщил, будто он получил от в. в-ва всемилостивейшее приказание привезти из этих немецких земель в Империю в. в-ва ученых людей и художников; в подтверждение этих слов он показал мне несколько паспортов, высланных с ним, вследствие всемилостивейшей предусмотрительности в. в-ва, чтобы те, которые пожелали бы отправиться в вашу страну, с тем большей уверенностью могли бы ими воспользоваться, на основании всемилостивейшаго желания в. в-ва. И когда он всесторонне узнал о моем положении, то стал прилагать много старания и просьб, чтобы побудить меня отправиться в страну в. в-ва, т.к. в. в. не только требовали одних ученых людей, но и сами имели жела-



ние и намерение учредить в своем государстве школы и университеты.

При этом он особенно заботился о том, чтобы я исполнил волю и указания в. в-ва — достать здесь разных ученых и опытных людей и художников, потому что я знаю здешние и тамошние места; и он не сомневался на счет того, будет-ли мое прибытие угодно в. в-ву. Первым плодом этого достохвального намерения в. в-ва без сомнения будет то, что вы в целом свете обезсмертите свое имя истинного отца отечества, которого Бог возвел на престол для блага страны. С того времени как русское государство пользуется известностью и славой, такого благополучия ему еще не выпадало на долю. Император, король, князь, или владетель не может оказать своей стране высшей чести и уготовить ей более славное место (среди других стран), как старанием насадить в ней науки и изящные искусства, ибо на этом основывается счастье всего народа.

Единственное же настоящее средство достигнуть водворения и насаждения в стране наук и всяких искусств заключается в старании отыскать и привлечь ученых, оказывая им почет, любовь и помощь и не опасаясь при том расходов; примерами тому могут послужить Египтяне, Греки, Римляне, Немцы, Испанцы, Итальянцы, Англичане, Французы и другие народы, которые тратили много бочек золота и еще и теперь ежегодно много расходуют на то, чтобы водворить у себя науки и искусства. Пусть Всемогущий, по чьей милости высокие властители господствуют на свете и держат свои скипетры, пусть Он содержит в своих руках их сердца и мысли; пусть устроит к лучшему то, чему в. в. положили начало, дабы осчастливить в будущем все северные страны и заставить их вечно благодарить за то Бога. Что касается до меня лично, то я и прежде бывал в Лифляндии и в Дерпте, где подданные в. в-ва, псковские купцы, имеют свой собственный гостинный двор и ведут торговлю; с ними имел я много сношений и я могу удостоверить, что они оказывали мне больше почета и благорасположения, чем сами немцы; за то я им еще раз намерен выразить признательность от чистаго сердца, и т.к. я своей службою могу быть им полезен, то я и не упущу сделать это, и даже более того, — обязываюсь в этом перед Богом, видя в этом особое предназначение Божие. Таким образом, как упомянуто выше, я могу служить в этом случае проводником к тому, чтобы ваша дорогая молодежь, во славу Божию и ко благу лучших и скромных людей (нашего) общаго отечества, могла быть воспитана в добродетели и обучена искусствам и чтобы из ея среды вышли искусные, опытные и ученые люди и художники, которые прославились бы на весь мир [...]. Притом таковые могут образоваться в большом числе и в вашей стране из вашего собственного народа и среди ваших подданных, что не потребует особаго труда и крупных расходов, тогда как из других мест их не легко было бы достать так же скоро и свободно; для этого требуются большия издержки и труды. Кроме того, и те художники, которые находятся в

вашем государстве, выросшие и родившиеся там, не легко дадут себя уговорить оставить свое хорошее положение и заработок и отправиться в другия, чужия земли, для них совершенно неизвестныя, и язык которых был бы им совершенно не знаком; для того чтобы побудить их к тому, нужно было бы употребить много усилий, о чем я в. в-ву всеподданнейше изложу свое мнение [...].

Покончив с предстоявшими мне делами, я уехал от императорского двора в Гамбург, где имею постоянное местожительство. Как только я вернулся домой, то узнал, что в. в. послали своего подданного, по имени Рейнгольд Бекман, сюда и в Любек, чтобы приискать ученаго доктора медицины, который бы согласился отправиться в страну в. в-ва. Из этого я убедился, что рассказ Ганса Крамера должен быть основателен, т.к. ради одного доктора и врача в. в. нашли возможным командировать особаго посланнаго [...].

Если-бы я знал, что этим могу сделать угодное в. в-ву, то я бы взял с собой одного молодого способнаго и опытнаго врача, который пробыл 20 лет у известнейшаго и искуснейшаго учителя в свящ. Римск. империи и настолько себя испытал и приобрел такой широкий опыт, что едва ли какой нибудь доктор мог бы с ним сравниться, в особенности в том, что относится к телесным недостаткам и повреждениям, при которых необходимо делать операции, о чем многие доктора не имеют ни малейшаго понятия и в чем совершенно не сведущи. С ним лично в. в. могла бы завести переговоры о том, каким образом он мог бы распространить свое искусство в вашем государстве, что бы ваши подданные приобрели в том опытность, что повело бы к необыкновенному благополучию страны вашей и ваших подданных.

На это ожидаю от в. в-ва всемилостивейшаго решения и ответа.

Молю Всемогущаго Бога, да возрастает и расширяется могущество в. в-ва.

Писано в Гамбурге 24 января 1601 г.

В. в-ва всеподданнейший и всепокорнейший слуга

Тобиас Лонциус

лицензиат государственнаго права» [3. С. 21–30].

Грамота царя Михаила Федоровича о разрешении учиться в Новгороде немецким подданным (1629 г.)

«Царская грамота новгородским воеводам князю Пожарскому и Глебову о дозволении Немецким людям учиться в Новгороде Руской грамоте, исключая перебежчиков. 1629 Февраля 19.

От Царя и Великого Князя Михаила Федоровича всеа Руси, в нашу отчину в Великий Новгород, боярину нашему и воеводам князю Дмитрею Михайловичу Пожарскому да Моисею Федоровичу Глебову, да дьяком нашим Григорью Волкову да Рахманину Болдыреву. Писали есте к нам, что в прошлом во 132 году писали к



нам из Великого Новгорода боярин и воеводы князь Григорей Ромодановской с товарищи, что бил нам челом Любския земли торговой Немчин Анц Меверт, чтоб нам пожаловати его, велети ему в Великом Новгороде учиться Руской грамоте; да Новгородской гость Андрей Харламов бил нам челом, а к ним принес челобитную, а в челобитной его написано: прислал де к нему, из Колывани, торговой немчин Федор Яганов сына своего Пантелейка, для ученья Руския грамоты; и того ж 132 году, в нашей грамоте писано к боярину и воеводе ко князю Григорью Ромодановскому с товарищи, велено Любския земли торговому Немчину Анцу Меверту да Колыванскому торговому Немчину Пантелейку Федорову, будет в них лазучества не почаят, в Новгороде для ученья Русския грамоты быти, а об иных о таких же Немцах, которые впредь учнут в Великий Новгород для ученья Руския грамоты приезжати, велеть ли им в Великом Новгороде Руской грамоте учиться, или им в том отказывати, и того в нашей грамоте не указано. И в прошлом же во 136 году, при боярине и воеводе при князе Иване Ивановиче Одоевском, приехали в Великий Новгород Любския земли торговые Немцы Пантелейко Филимонов да Мартынок Ондреев, да Выборской Немчин Ондрушка Борисов, и били челом нам, чтоб мы их пожаловали, велели им в Великом Новгороде учиться Руской грамоте: и им в Новгороде Руской грамоте учиться поволено; а учаться они Руской грамоте в Великом Новгороде, на посаде, у церковных дьячков. И о тех бы Немецких людех, о Пантелейке Филимонове с товарищи и об иных о таких же Немцах, которые учнут впредь приезжая в Великий Новгород бити челом нам о ученье Руской грамоты, велети вам наш указ учинить: велеть ли им в Великом Новгороде Руской грамоте учиться, или им в том отказывать. — И как к вам ся наша грамота придет, а впредь из Свеи которые Немцы для науки Руския грамоты учнут в Великий Новгород приезжати, и вы б таких принимали, а велели их учить Руской грамоте на посаде церковным дьячком, а в церковь некрещеных Немец пущати не велели, о том бы есте дьячком приказывали накрепко; а кто будет из них похотят креститься в нашу православную христианскую веру Греческаго закона, и тех бы естя велели крестить, а для крещенья отсылали б естя к Новгородскому Митрополиту Киприяну; а как их крестят, и вы б тех крещеных Немец в свою землю отпускать не велели (а сказали б есте им то до крещенья, что им отпуску с наша стороны не будет), а присылали б естя таких, крестя, к нам к Москве, или велели им быти в Новгороде, кто к кому пойдет по своей воле; а по тех людех, кто тех Немец учнет к себе имати, велели б есте имати поруки с записми, а без поруки б им жить у них не велели; а которые Немцы ныне учатся в Новгороде, и похотят ехать в свою землю, и вы б их велели отпускать с проезжими, а без проезжих бы никто в Немецкие города Немецких людей и Руские люди не ездили; а кто поедет без проезжих, и тех бы есте, сыскав, чинили им наказанье; а принимали б есте иноземцов грамоте учить

таких, которых привезут отцы их и братья и дядья, а не таких, которые сбежат бегом; а перебещиков бы естя однолично не приимали и грамоте учить не велели, чтоб в них ссоры не было, розведывали б естя про то всякими мерами подлинно, и принимали для грамотного ученья и крестили, которые похотят, тех, которые приедут с отпуском, а не перебещиков; а перебещиков бы естя однолично приимать и крестити не велели.

Писан на Москве, лета 7137 Февраля в 19 день. — А на грамоте припись диака Максима Матюшкина» [1. С. 265–266].

Вопросы образования в Русском государстве по донесениям иностранных подданных

Фрагмент донесения Венского епископа Иоганна Фабри о состоянии религии, нравственности и образования в Русском государстве (1525 г.)

Иоганн Фабри, или Фабер (Faber, 1478–1541), учился в университетах Фрайбурга и Тюбингена, получил степени доктора богословия и доктора права. Член доминиканского ордена. С 1518 г. — генеральный викарий Констанцкого диоцеза (церковно-административная единица) и апостолический протонотарий — один из двенадцати высших духовных лиц католической церкви. С 1521 г. — советник австрийского эрцгерцога Фердинанда. С 1530 г. — епископ Венский, содействовал развитию Венского университета. В 1525 г. провел ряд встреч с посольством Русского государства в составе князя И.И. Засекина-Ярославского, дьяка С.Б. Трофимова и толмача В. Игнатьева, в ходе которых собирал информацию о Руси. Эта информация была необходима для посольства под руководством С. Герберштейна к царю Василию III, тем более что была получена из первых рук.

Ниже приведен фрагмент донесения Фабри, в котором приводятся интересные сведения об образовании, воспитании и нравственности в Русском государстве начала XVI в. Интересна исключительно положительная оценка нравственности населения Руси на фоне критики состояния нравов в немецких землях. Кроме того, весьма показателен факт наличия училищ в начале XVI в., что продолжает отрицаться в современных историко-педагогических исследованиях.

«Светлейшему государю и господину божественному Фердинанду, государю и инфанту Испании, эрцгерцогу Австрий-



скому, герцогу Бургундскому и иных, наместнику священнейшего цесарского величества в Римской империи, всемирлостивому своему государю доктор Иоганн Фабри желает здравия и мира во Христе, Господе нашем.

Как только ты, светлейший государь, с приветливостью и великолепием, свойственным твоей царственной душе, встретил и принял московитских послов, которые ныне благополучно и с радостью прибыли к тебе в Тюбинген из Испании от священнейшего цесарского величества, ибо там их осыпали почестями даже много больше, чем подобало бы, ты, по свойству твоего замечательного ума, тотчас поручил, чтобы я как можно скорее вместе с некоторыми знаменитыми, просвещенными и искушенными по многим вещам мужами, годящимися для дела подобного рода, расспросил, и притом от твоего имени, о происхождении, обычаях, нравах, религии и прочих подобных предметах сих московитов, до недавнего времени нам, немцам, неведомых. Это можно было нам исполнить тем легче, что при них состоял переводчик, хотя и московит родом, [однако], кроме своего родного языка, посредственно владевший немецким и латинским. Без сомнения, в особенности для того, светлейший государь, ты пожелал дать нам таковое поручение (если кому-нибудь оно, возможно, показалось бы необычным), чтобы точнее узнать тех, с кем божественный цесарь Максимилиан, дед твой, для блага государства некогда вступил в союз. Затем есть другое, что увеличило еще твое желание разузнать об этом: чтобы, когда подчас в собрании ученых мужей, где ты бываешь часто, или государственных чинов заходит речь об иноземцах, ты мог равно осветить, если не в состоянии по опыту, то по крайней мере основываясь на документах, все, касающееся разнообразных нравов иноземцев. Побуждаемый этим, и я, как пристало мне, охотно повиновался твоей воле; и мы сразу же приступили к делу и прежде всего объявили [московитским послам], в чем состоит твое намерение; оно им, дивящимся нраву и уму такого государя, пришлось весьма по сердцу. С этим они могли связывать большие надежды, поскольку из всех [государей], к коим по древнему праву гостеприимства они наведывались во время долгого, длящегося уже два года пути с востока на запад, ты был единственный, кто в различных отношениях высоко оценивал их народ. Словом, они, благодаря всему этому настроенные благожелательно, не обходили молчанием ничего из того, о чем мы спрашивали, и, более того, рассказывали обо всем весьма обстоятельно. Так же и я, светлейший государь, повинуюсь тебе и исполняя должность верного переводчика, изложу без каких-либо пропусков в том же порядке и виде все сведения об этих людях, которые могли быть преданы гласности, и даже больше, нежели они сообщили. [...]

Училища [у московитов] есть, однако весьма малочисленные; в них обучаются дети благородных особ словесности, преимущественно же священным наукам, преподаваемым обычно на рутен-

ском языке. Очень немногие занимаются иноземными языками; изучению же греческого посвящают себя многие ради писаний святых отцов — [Иоанна] Златоуста, [Григория] Назианзина, Василия [Великого] и других — и для того, чтобы они могли сообразовывать все, перенятое у греков, со своими обыкновениями или религией. Еврейским пренебрегают совершенно, если не считать единственный возглас „аллилуйя”, часто повторяемый во время литургии.[...]

Светлость Твоя, ты не мог никак надивиться, как случилось, что люди, ожесточенные беспрестанными войнами и не имевшие никогда мира, столь твердо держатся стародавней своей религии. Немцы же все довольно давно уже отошли от Христа. Я не могу как следует разгадать, что за бес, или что за эриния, их околдовал, кто обратил их к не знаю какому бешенству и самовластию, которыми не только безрассудно, но и, более того, беспрепятственно преследуют их те, кто взял на себя обязанность мешать [достижению] вечного отечества, засвидетельствованного Христом, для тех, которые трудятся на земле с опасностью и ущербом для своей души. Но всего более, говоря коротко, недостойно немцев, которые всегда почитались в высшей степени преданными христианству людьми, то, что, как действительно можно видеть, они начинают предпочитать враждебное религии. Ибо где [у рутенов] обнаруживается корень жизни, там наши немцы скорее находят смерть; если те — Евангелие Божие, то эти воистину злобу людскую укоренили; те преданны поста́м, эти же чревоугодию; те ведут жизнь строгую, эти — изнеженную; они используют брак для [сохранения] непорочности, наши же немцы совсем негоже — для [удовлетворения] похоти; и не вызывает никакого сомнения то, что если у них [совершение] таинств уничтожает бремя грехов, то, к прискорбию, у наших пренебрежение таинствами увеличивает это бремя. Что касается государства, то те приверженны аристократии, наши же предпочитают, чтобы все превратилось в демократию и олигархию [...].

Тюбинген, 18 сентября года 1525 г.

Базель, [отпечатано] у Иоганна Бебеля в январе 1526 г.» [14. С. 15–34].

Донесение епископа Новокомского Павла Иовия о состоянии дел в Московии (1526 г.)

Автор приводимого ниже послания — Паоло Джовио (Paolo Giovio, 1483–1552), или Йовий, родился в г. Комо (Италия). Изучал в Падуе философию и в Павии медицину. Папа Адриан VI дал ему каноникат при Комском соборе, а Климент VII назначил его епископом в Ночере. В 1525 г. в Рим прибыл посол великого князя Московского Василия III Дмитрий Герасимов (около 1465 — около 1535 г.), информацию которого о Русском государстве по поручению папы Климента VII епископ Павел Иовий тщательно записывал.

Личность Дмитрия Герасимова достаточно интересна для своего времени. Надо заметить, что «Герасимов» может быть как фамильным прозвищем, так и отчеством. Родом он предположительно из Новгорода, где служил его брат и где он сам начинал свою деятельность как сотрудник архиепископа Новгородского Геннадия. В первой четверти XVI в. Д. Герасимов служил при Посольском дворе (впоследствии Приказе) и участвовал в посольствах в Швецию, Данию, Норвегию, Пруссию (к великому магистру Ордена), в Священную Римскую империю, к папе римскому Клименту VII. В Италии Д. Герасимов был известен под латинизированной версией своего имени — «посол Деметрий Эразмий (Demetrius Erasmius)», напоминающей, вероятно, об Эразме Роттердамском.

Д. Герасимов известен и как переводчик, сотрудник Максима Грека (около 1470–1556 г.). Его деятельность в этом качестве началась около 1500 г. К числу его многочисленных переводов относятся «Краткая хронология» по Исидору Севильскому; так называемый «Этимологиарий» с примечаниями самого Герасимова, сопоставлявшего его со славянской «Хронологией»; «Сказание о Молюкитцких островах» — перевод записок о путешествии Ф. Магеллана. Дмитрию Герасимову принадлежит известное сочинение учебного характера «Донатус» — русский вариант средневековой компиляции классической античной грамматики латинского языка Элия Доната.

Информация, полученная посольством, легла в основу донесения папе, переданного через архиепископа Иоанна Руфа. Сведения о московском государстве были необходимы Риму, который предпринимал попытки склонить великого князя к унии с католической церковью. Для выполнения этой задачи из Рима в Москву с Д. Герасимовым выехал посол папы Иоанн Франциск де Потенци. Позднее, в 1530-е годы, эти сведения были дополнены Павлом Иовием из других источников и опубликованы под названием «De legatione Basilii Magni Principis Moscoviae ad Clementem liber» (1537 г.).

Ниже приведен фрагмент упоминаемого послания, характеризующий уровень образованности части русского общества первой четверти XVI в.

**«Иоанну Руфу,
Архиепископу Консентийскому.
Ваше Высокопреосвященство!**

Вы изъявили желание иметь на Латинском языке описание нравов Московитян, заимствованное мною из ежедневных бесед с Дмитрием [Герасимовым], прибывшим недавно к Папе Клименту VII в качестве Московского посла [...].

Просвещение Московитян. Московитяне говорят языком Иллирийским и подобно Славянам, Долматам, Богемцам, Полякам и Литовцам употребляют так же Иллирийския письма. Ни один

язык, как уверяют, не имеет такого обширного и повсеместного употребления, как Иллирийский. Им говорят при дворе Оттоманском и еще недавно был он в большой чести в Египте, между Мамелюками, при дворе Мемфисского Султана. На сей язык переведены многие книги, преимущественно трудами Св. Иеронима и Кирилла. Книги сии находятся почти у каждого Московского боярина и кроме их они имеют еще у себя отечественные летописи и Историю Александра Македонского, Римских Кесарей и Антония и Клеопатры, писанные также на отечественном их языке. Философией, Астрономией и другими науками, равно как и рациональною Медициною, Москвитяне никогда не занимаются; должность врача исправляет у них всякий, кто только имел случай испытать действие каких нибудь неизвестных трав...

Физические упражнения. Юноши упражняются в различных играх и преимущественно в тех, которые имеют ближайшее соотношение с воинским ремеслом, как то: в беганьи в запуски, в борьбе, в конском ристании и пр. Для всех сих игр, в особенности же для стрельбы в цель, назначены известные награды» [2. С. 46–48].

Документы об образовании в России, составленные католическим миссионером Я. Рейтенфельсом для Ватикана (1674 г.)

Якоб Рейтенфельс (Jacob Reutenfels, даты жизни неизвестны) — авантюрист, путешественник, католический миссионер. Его отец, по свидетельству самого Рейтенфельса, был влиятельным вельможей при дворе польского короля Яна II Казимира, а его дядя, Иоганн Костер фон Розенбург, был личным врачом царя Алексея Михайловича. Известно ходатайство 1672 г. от Розенбурга о направлении Рейтенфельса для учебы в Вильну с последующим поступлением на русскую службу. Это ходатайство было удовлетворено, и в 1670–1673 гг. он находился в Москве.

В 1674 г. Я. Рейтенфельс был уже в Риме, где вместе с иезуитом Атанасиусом Кирхером (1602–1680 гг.) пытался реализовать проекты массовой посылки в Россию католических миссионеров, для которых им была составлена особая инструкция. После безуспешных действий ряда миссионеров, направленных в Россию, Я. Рейтенфельс переселился во Флоренцию, где поступил на службу к герцогу Козимо III Медичи и добился высокого положения. Перед отъездом в Польшу в 1676 г. Я. Рейтенфельс посвятил правителю Тосканы свою книгу.

Ниже приведено два фрагмента: один — из инструкции для католических миссионеров, направляемых в Россию, другой — из донесения герцогу Тоскании Козьме III. «Послание светлейшему герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии» (*De rebus Moschoviticis ad Serenissimum Magnum Hetruriae Ducem Cosmum Tetricum*) было составлено около 1676 г. и издано в Падуе в 1680 г.

Донесение архиепископа Распони папе римскому Клименту X о подготовке католических миссионеров, направляемых в Россию (1674 г.)

«I. Доклад Высокопреосвященнейшаго Распони.

Собрание 12 ноября 1674 года.

Яков Рейтенфельс, уроженец Курляндии, заявляет, что он, в течение своего двухлетнего пребывания в Московии, наблюдал, ради небольшого своего сочинения, которое он намерен издать, отношение правительства и частных лиц к католической вере, вследствие чего и убедился, что в это государство можно проникнуть лишь под видом купца, почему и осмеливается дать Вашим Высокопреосвященствам совет: в видах примирения и сближения вышеназванного государства с Святейшим Престолом, можно было бы послать туда несколько молодых итальянцев — духовного или светского звания — с тем, чтобы они в два года научились бы языку москвитов и собрали бы всякого рода сведения, при чем автор предлагает и свои собственные слабые силы, присовокупляя к тому, что настоящее время весьма для сего благоприятно, благодаря прирожденному благодушию ныне правящего Царя.

Отец Кирхер подтверждает, что названный Яков — ревностный католик, ученый, владеющий шестью языками и пользуется расположением Великого Царя» [6. С. 16–24].

Донесение Якова Рейтенфельса о состоянии дел в России.

Фрагмент об образовании царских детей при царе Алексее Михайловиче (1674 г.)

«Царския дети упражняются каждый день, в определенные часы, в разных играх, конной езде и метании стрел из лука; зимою делают для них небольшие возвышения из дерева, и покрывают снегом, от чего образуется гора: с вершины ея они спускаются на саночках или палубке, управляя палкою. Танцы и другия занятия, у нас обыкновенные, при Русском Дворе не употребляются, но каждый день играют там в шахматы. Изящными Науками Царския дети не занимаются, кроме энциклопедических познаний о предметах политических: за то весьма тщательно изучают (кроме чтения и письма на Отечественном языке) состояние своего Государства и соседственных Держав, дух и потребности подвластных народов, различающихся языком и нравами; приучаются любить и уважать Отечественные обычаи, и неуклонно следовать правилам Религии. Долг справедливости требует сказать, что этот скромный и по видимому простой образ воспитания Царских детей в России дает им прекрасное направление и гораздо полезнее, нежели изучение всех тайн Философии и уроки самых глубокомысленных Учителей» [10. С. 10–11].



Литература

1. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской Империи Археологической экспедицией Императорской Академии наук. Дополнены и изданы Высочайше учрежденною Комиссиею. Т. 3. 1615–1645. СПб.: Тип. II Отд. Сост. Е.И.В. Канц., 1836.
2. Библиотека иностранных писателей о России / под ред. В. Семенова. Отделение первое. Т.1. СПб., 1836.
3. Голицын Н.В. Научно-образовательные сношения России с Западом в начале XVII века. М., 1898.
4. Известие о молодых людях, посланных Борисом Годуновым для обучения наукам в Англию в 1602 г. б.м., б.г. 6 с.
5. Несколько случаев изучения иностранных языков русскими людьми во второй половине XVI века. Харьков, 1913.
6. Новые материалы о жизни и деятельности Якова Рейтенфельса / пер. док. А. Станкевича; сост. П.О. Пирлинг. М.: Тип. Штаба МВО, 1906.
7. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными // Сборник императорского русского исторического общества. Т. LIII. СПб., 1887.
8. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англиею. Ч. II (с 1581 по 1604 г.) // Сборник императорского русского исторического общества. Т. XXXVIII. СПб., 1883.
9. Памятники дипломатических сношений России со Швецией // Сборник Императорского Русского Исторического общества. Т. 129. СПб.: Т-во «Печатня С.П. Яковлева», 1910.
10. Рейтенфельс Я. О состоянии России при Царе Алексии Михайловиче // Журнал Министерства народного просвещения. Часть XXIII. Отд II. СПб.: Тип. Имп. Академии Наук, 1839.
11. Россия и греческий мир в XVI веке: в 2 т. / отв. ред. С.М. Каштанов. М., 2004.
12. Русские акты Копенгагенского государственного архива / под ред. Ю.Н. Щербачева. СПб., 1897.
13. Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 38. СПб., 1883.
14. Фабри И. Религия московитов // Россия и Германия. Вып. 1. М., 1998.